

на землю стала замѣтно подниматься; самымъ же ловкимъ и чуткимъ къ вѣянію времени оказался бывшій джигитъ-Баевъ, открывшій нѣчто въ родѣ негласной кассы ссудъ для нуждающихся крестьянъ, и рядомъ съ николевскимъ товариществомъ взимавшій по 20% въ мѣсяцъ и платившій за работы не иначе, какъ гнилымъ ситцемъ и другими вещами, оцѣненными втрое противъ ихъ настоящей стоимости. Быстро приближавшійся періодъ ликвидацій и оскуднѣнія землевладѣльцевъ еще только слегка коснулся Николевской волости и начался продажей земель въ конецъ разорившагося любителя хорошихъ вещей Ключкова, а также неожиданнымъ и въ то же время въ высшей степени благопристойнымъ крушеніемъ одного изъ братьевъ Лихачевыхъ, все имѣніе коего куплено было женою очень молодого и энергичнаго человѣка, кандидата правъ, только что оставившаго университетскую скамью и поселившагося въ селѣ Лихачевкѣ.

При всемъ этомъ, при массѣ недобрыхъ предзнаменованій, уже таготѣвшихъ надъ Николевской волостью, благодаря точно обязательнымъ, непрерывнымъ и усыпляющимъ урожаямъ, все обстояло благополучно, все жило спуста рукава, не думая о завтрашнемъ днѣ, и каждому вѣрилось, что какія-то несокрушимыя, таинственныя силы чернозема продолжаютъ работать за всѣхъ и за вся. — Никто не приступалъ къ какимъ-либо улучшениямъ, или нововведеніямъ, но не взирая на то, что всѣ управляющіе почти одновременно пришли въ совершенную негодность и, точно согласившись разомъ, выпустили изъ рукъ бразды правленія, рутинное хозяйство продолжало кое-какъ плестись по старой, давно проложенной дорожкѣ.

Неугомонный и когда-то грозный Францъ Антоновичъ потерялъ зрѣніе и поневолѣ, прикованный къ покойному креслу, убивался и мучился своей бесполезностью и беспомощностью, то и дѣло вызывая Ракитова изъ-за границы, гдѣ тотъ основался на постоянное жительство, и только благодаря издѣльной повинности, до сихъ поръ удержавшейся въ селѣ Ракитовѣ, дѣло все-таки не останавливалось, и концы сводились съ концами. Волковскій управитель списалъ съ круга, а имѣніемъ управляла его жена, безграмотная и безтолковая женщина. Въ такую же негодность пришелъ и молчаливый Евлампій, управитель Карцевскаго хутора, дошедшій до такого монашескаго смиренія, что работники и окрестные мужики смотрѣли на него, какъ на блаженнаго, обреченнаго на то, чтобы только лѣнивый не надувалъ и не обманывалъ его. Въ свою очередь, если не болѣе, то уже ни какъ не менѣе другихъ, опустился и доморощенный